

ОТ «ВОПРОСОВ ИСТОРИИ»
ДО «COSMOPOLITAN»:
НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ ПЕРИОДИКИ

Интервью с Борисом Степановым,
культурологом, преподавателем
НИУ ВШЭ

Материал
подготовили:

Александра
Денисова

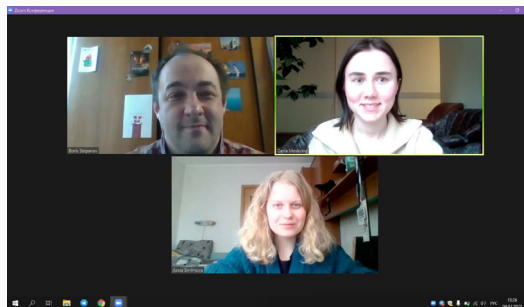
Ирина
Капитонова

Дарья
Москвина

Анна
Смирнова

Периодика — источник сложный, но невероятно интересный. Кажется, невозможно охватить весь спектр тем, открывающихся исследователю, решившему построить свою работу на анализе материалов газет, журналов и альманахов. Чтобы разобраться в этом научном поле, мы обратились к Борису Степанову, культурологу, преподавателю НИУ ВШЭ в Москве. Мы поговорили о том, как исследовать периодику, как задавать новые вопросы и как быть смелым в своих гипотезах.

Борис Евгеньевич Степанов — заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева (ИГИТИ), доцент Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, кандидат культурологии. Сфера научных интересов: социология культуры, интеллектуальная история, теория и история исторического знания, теория и история культуры, культурные исследования.

В зуме с Борисом Степановым беседовали Дарья Москвина и Анна Смирнова.

Дарья Москвина: С чего начался ваш интерес к периодическим изданиям? Как именно вы работаете с периодикой, каким периодом занимаетесь?

Борис Степанов: В моем случае, как ни странно, интерес был связан с научным проектом, который был инициирован журналом. В начале 2000-х годов редколлегия «Нового литературного обозрения», флагмана нашей гуманитарной периодики, задумала сделать специальный выпуск про 1990 год. Идея заключалась в том, что этот год можно рассматривать как рубежный во многих отношениях. И редакторы предложили исследователям подумать, какие сюжеты в своих областях они могли бы в этой перспективе проанализировать.

В тот момент я преимущественно интересовался культурной историей отечественной исторической науки. Я занимался медиевистикой начала XX века, а также тем, что часто называется «неофициальной советской медиевистикой». Я подумал, что мой интерес можно конвертировать в материал, связанный с возникновением альманаха «Одиссей». Правда, он появился не в 1990-ом: пилотный выпуск вышел в 1989 году. Однако программным можно считать именно выпуск 1990 года, где была опубликована дискуссия о личности и индивидуальности, которая была достаточно характерной как раз для состояния исторической науки в эпоху перестройки [1].

Таким образом, от чисто историографических сюжетов, связанных с концепциями конкретных исследователей, я перешел к работе с этим изданием, взял интервью у некоторых создателей альманаха, чтобы выяснить, как он возник, что это был за проект: на фоне исторической периодики того времени альманах достаточно сильно выделялся. Затем я попытался расширить контекст: посмотреть на другие исторические альманахи, такие как «Казус» и «Диалог со временем» [2]. Эту работу мы уже делали отчасти совместно с моим другом и коллегой Антоном Свешниковым, который, к сожалению, недавно ушел из жизни. Потом мы с ним двинулись в сторону изучения исторических журналов, и у нас в одном из сборников под редакцией Геннадия Бордюгова вышла статья про развитие пе-

[1] – Степанов Б.Е. Тонкая красная нить: споры о личности и индивидуальности как зачин историографии 1990-х // «Новое литературное обозрение», 2007, № 83/84.

[2] – Свешников А.В., Степанов Б.Е. Исторические альманахи «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем»: поиски моделей научной коммуникации // Гуманитарные исследования (ИГИТИ ГУ ВШЭ). 2008. Вып. 2 (32). См. [link](#).

риодики в целом; мы там добавили другие издания, попробовали посмотреть на еще более широкий контекст [3].

Дальше я уже сам занимался советской исторической периодикой (у меня есть пара публикаций о том, как она менялась на рубеже 50–60-х годов), но также продолжал заниматься и постсоветской периодикой. Например, один из сюжетов был связан с университетскими вестниками. Они начали активно возникать с 90-х годов и до определенного момента были довольно специфическим локальными изданиями, иногда даже на границе профессиональной периодики. Я попытался осмыслить этот феномен еще до бума интереса к журналам — это было почти предвосхищением. Сейчас основной фокус моего интереса — это популярная историческая периодика, расцвет которой мы наблюдаем примерно с 2010-х годов — журналы «Дилетант», «Историк», «Родина» и другие издания.

Д. М.: Был ли в исторической науке (или шире — в гуманитарных науках) «поворот» к периодическим изданиям (как культурный, визуальный и т.п.), какой-нибудь *periodicals turn*?

Б. С.: Я бы сказал, что до некоторой степени этот поворот действительно произошел. Возникла необходимость, с одной стороны, ориентироваться на ВАКовский список журналов, с другой стороны, публиковаться в англоязычных изданиях и встраиваться в международный контекст — все это вызвало рост интереса к профессиональной периодике, к тому, как функционирует наша наука и какую публикационную инфраструктуру мы имеем.

Если же говорить о внимании к периодике как к историческому источнику, я бы не сказал, что в последние годы здесь наблюдается какой-то явный всплеск интереса. У историков такой всплеск был на рубеже 60–70-х годов. Истоки нашей традиции исследования журналов связаны с именем известного историка Сигурда Оттовича Шмидта, его источниковедческой и археографической школой. Именно с его исследованиями и работами его учеников связано развитие этой области. В частности, можно отметить Виталия Юрьевича Афиани, который в 70–80-е годы активно занимался журналами и периодикой XVIII–XIX веков. Его интересовала роль журналов в публикации исторических источников. Самым фунда-

[3] — Свешников А.В., Степанов Б.Е. *Историки в междисциплинарном сообществе (Междисциплинарность и трансформация исторического сообщества)* // *Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. Под ред. Г. Бордюгова. М.: Аипо XXI, 2011. С.234–258.*

ментальным и масштабным трудом, на мой взгляд, можно считать работу Марины Петровны Мохначевой, посвященную роли периодики в возникновении исторической науки в XIX веке [4].

Я не сомневаюсь, что историки довольно активно используют журналы. Например, в учебниках по источниковедению, выпущенных при участии Марины Федоровны Румянцевой и других коллег, есть разделы, которые посвящены периодике как историческому источнику [5]. Нельзя сказать, что там есть конкретные инструкции для работы с этим типом источника, они скорее описывают этот тип текстов как форму коммуникации и обозначают возможное исследовательское поле. Однако какого-то направления, связанного именно с журналами (например, такого как общество исследователей журналов Викторианской эпохи, имеющее свое периодическое издание [6]), у нас, насколько я знаю, нет.

С точки зрения возможностей использования этих источников принципиальным моментом, конечно, является их связь с современной культурой, исследование которой, в свою очередь, требует привлечения каких-то социологических перспектив. В моем случае источником такой перспективы стала работа наших известных социологов культуры Льва Дмитриевича Гудкова и Бориса Владимировича Дубина под названием «Журнальная структура и социальные процессы», которая опубликована в их книге «Литература как социальный институт» [7]. Это любопытное исследование, которое появилось в перестроечные годы: тогда перед Гудковым и Дубиным стояла актуальная задача осмысления развития системы средств массовой информации. Эта работа может сейчас представлять исторический интерес, но она не утратила, как мне кажется, и своего концептуального значения. Авторы в ней показывают, как функционируют различные типы периодических изданий и какие запросы потребителей эти издания обслуживают. Общей рамкой для осмысления периодики здесь послужила кон-

[4] – Мохначева М.П. *Журналистика и историческая наука в России 30-70-х годов XIX века: Опыт источниковедения историографии: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 1999. 335 с.*

[5] – Например, *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. М.: РГГУ, 2000. 702 с.*

[6] – См. [link](#).

[7] – Гудков Л., Дубин Б. *Литература как социальный институт М.: Новое литературное обозрение, 1994.*

цепция общества и культуры эпохи модерна. Аналогичная рефлексия применительно к историко-литературной перспективе была реализована в работах Абрама Ильича Рейтблата. В его первой книге «От Бовы к Бальмонту» показано, например, почему толстые литературные журналы были для литературной культуры XIX века важнее, чем книги. [8]

Д. М.: Можем ли мы выделить момент, когда периодические издания стали восприниматься как исторический источник? Или не было никакой отдельной дискуссии, что вот, с этого момента для нас газета — это не источник новостей, а исторический источник?

Б. С.: Понятно, что когда мы ставим вопрос, как периодика может работать в качестве исторического источника, важно прежде всего понимать, о какой периодике идет речь: газета будет одним случаем, а журнал — другим. Кроме того, важно понимать, как журналы и газеты работают в качестве некоего коммуникативного канала. У уже упомянутых Гудкова и Дубина есть интересное наблюдение, связанное с эпохой перестройки: известный казус, когда журнал «Москва» начал публиковать «Историю государства Российского» Карамзина. Из номера в номер просто взяли и стали публиковать. О чем это говорит? С одной стороны, понятно, что журнал таким образом пытался ответить на запросы читателей и компенсировать отсутствие этого текста в каком-то актуальном горизонте. С другой точки зрения, если считать, что основная функция журнала — обозначать точку современности — эта публикация, конечно, абсолютный нонсенс. Тогда это был путь, который редакция журнала «Москва» сочла продуктивным, но который, тем не менее, выглядел довольно странно. И это касалось множества других случаев, таких, например, когда журнал «Социологическое обозрение» публиковал работы Павла Флоренского. Подобные примеры позволяют производить диагностику состояния интеллектуального сообщества и культуры.

Д. М.: Если мы говорим не об истории периодических изданий, а именно об использовании периодического издания в качестве источника: на что, на ваш взгляд, необходимо обратить особое внимание (издатель, бумага, тираж)? Можно ли «в вакууме» ссылаться на журнальную или газетную статью, не описывая контекста, в котором это периодическое издание существовало? Какой минимум контекстных характеристик необходимо учесть, чтобы не ошибиться и не сделать поспешные выводы?

[8] — Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Б. С.: На мой взгляд, характер использования периодических изданий как источников будет зависеть от задач, которые мы ставим, и, соответственно, от применяемых методов. В этом плане я выступаю здесь скорее как культуролог, который занимается историческими сюжетами, а не профессиональный историк-источниковед — я склонен делать акцент на конкретный дизайн исследования, а не на тип источника.

Традиционно прессу используют как резервуар информации о событиях прошлого, а журналистов воспринимают как протопристориков, которые аккумулируют материал для будущих исследователей. Вероятно, в этом контексте историкам будут полезны традиционные позитивистские методы критики источника. Но это ведь не единственный вариант использования периодических изданий, возможны совершенно другие подходы. Как известно, сегодня в моде большие данные. Однако развитие методов компьютерной обработки текстов началось не сегодня, например, у нас в 70-е годы этим занимались Иван Дмитриевич Ковальченко и Борис Николаевич Миронов, насколько я помню. Сейчас мы имеем целый ряд оцифрованных баз данных, связанных с газетами и журналами прошлого (например, газеты «Правда» и «Известия» оцифрованы полностью). Соответственно, мы можем количественными методами, путем довольно элементарного интеллектуального поиска какие-то вещи находить. Например, можно посмотреть на то, когда начинают встречаться в этих источниках конкретные слова — это контент-анализ, основанный на поиске по базе данных. В этом смысле нам может быть не сильно важен жанр текстов или способ употребления искомым слов. Но потом, когда мы получим эту базу поиска, особенно если она не очень обширная, мы можем заняться анализом того, в каких типах текстов появилось нужное нам слово: в передовице или в фельетоне, как оно используется, в каком контексте оно употребляется.

Другой пример связан с исследованием городской культуры. Речь идет о книге американского слависта Марка Штейнберга, которая называется «Petersburg Fin de Siècle», где он на материале газет исследует городскую культуру Петербурга конца XIX — начала XX века [9]. Он рассматривает это все в контексте представления о городе как лаборатории современной культуры, это интересный ход. У нас есть традиция рассматривать Петербург как средоточие высо-

[9] – Steinberg, M.D. *Petersburg Fin De Siècle: The Darkening Landscape of Modern Times, 1905–1917*. New Haven; London: Yale University Press, 2011.

кой культуры императорского периода, а здесь автор «спускается» на уровень городской жизни. Здесь газета рассматривается как зеркало жизни города, но достоверность тех или иных сообщений, скорее всего, не будет иметь большого значения.

Журналы открывают очень большие возможности для исследователя, в силу того, что в качестве источника исторической информации могут выступать самые разные элементы издания. С точки зрения истории повседневности можно, например, рассмотреть гигиенические практики. Исследователь может обратиться к рекламе в журнале и посмотреть на то, как она меняется, и как это соотносится с изменениями в гигиенических практиках. Ваш исходный вопрос касался, как я понимаю, в основном, текстов, но журнальная и газетная культура — это также и фотографические изображения. Есть, например, работа Татьяны Дашковой, написанная на материале фотографии 1920–30-х годов, где показано, насколько странными часто были газетные изображения и подписи, как формировалась культура газетной фотографии, как постепенно выкристаллизовался, именно в журнальной культуре, образ советского человека [10]. А какой замечательный материал карикатуры!..

Анна Смирнова: Мы хотели чуть больше поговорить именно о характеристиках самого источника. Каждый раз, когда вы упоминаете какой-то пример, вы берете конкретную тему, например, фотография или конкретный текст. А нам было бы интересно узнать ваше мнение по поводу того, насколько нужно вообще описывать сам источник. Я могу привести пример из своего исследования: я несколько лет изучала научно-популярные журналы, и мне казалось важным указывать тираж, обращать внимание на обложки, упоминать о том, какие материалы, помимо тех, с которыми работала я, там публиковались, какая там была реклама, каким образом выстраивались отношения между авторами и аудиторией читателей.

Б. С.: Ответ на ваш вопрос вытекает отчасти из того, что я уже сказал, потому что сама форма периодического издания — это то, что соответствует некоторой антропологической конструкции, связанной с аудиторией, интересы которой журнал обслуживает. У него есть задачи, которые он решает, неважно идет речь о толстом или тонком журнале. Естественно, эта антропологическая модель связана с тиражом и ценой.

[10] — Дашкова Т.Ю. Идеологическая неочевидность: странные фотографии в советских женских журналах 1920-х годов // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2017. №45. С. 159–190.

Могу привести пример из своей собственной практики, мы со студентами разбираем современные женские журналы (обычно у нас это журнал «Лиза») как реализацию идеи цивилизации в понимании Норберта Элиаса [11]. Действительно важно, что «Лиза», в отличие, например, от «Cosmopolitan», это один из самых дешевых журналов с максимальным охватом, еще лет 10–15 назад у него были миллионные тиражи. Тот образ цивилизованного и состоятельного человека, который конструирует журнал, ориентирован на максимально широкую аудиторию. Конечно, там не будет никакой высокой моды, вместо нее образцы одежды, адаптированные под массовое потребление. То же самое будет касаться рецептов и косметики. В этом смысле, чем бы вы ни занимались, вы можете любой из этих аспектов исследовать. Например, как редакция журнала представляет общение своих читательниц со значимыми другими — партнерами по работе, детьми, мужьями или друзьями. Также и сама коммуникация между редколлегией и читателями журнала будет строиться определенным образом — дружеское, мягкое обращение, которое должно создавать комфортную для читателя ситуацию, пригодную для трансляции определенных рекомендаций.

Какой бы сферой вы не занимались, важно представлять периодическое издание как социальный и культурный феномен. Дальше нужно конкретизировать общую модель в связи с историческим контекстом: важно не только то, что этот журнал из себя представляет, но и какое место он занимает в ряду аналогичных изданий. Это позволит объяснить, почему этот журнал выбирает определенную стратегию, публикует именно такие картинки на обложках или помещает именно такую рекламу. Ситуация коммуникации происходит на самых разных уровнях, поэтому единицей вашего анализа могут выступать самые разные вещи: и дизайн, и шрифты, и многое другое...

А. С.: Вы очень много раз упоминали коммуникацию между журналом и аудиторией, и поэтому следующий вопрос будет связан с этим: вы были научным руководителем Елены Вивич, которая написала статью «“Убейте время с пользой”»: трансформация кроссворда после перестройки» [12].

[11] – Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб, 2001.

[12] – Вивич Е. «Убейте время с пользой»: трансформация кроссворда после перестройки // Шаги/Steps Т.5 №4. 2019. С. 239–259

В ней приводятся различные примеры исследований, в которых авторы самостоятельно описывают аудиторию, хотя на самом деле трудно сказать, насколько верны их предположения. Исследователю, который работает с периодикой как с историческим источником, бывает трудно понять аудиторию, представить, как именно она читала конкретную газету или журнал. Получается, мы можем говорить уже об антропологии и социологии чтения. Насколько вообще можно быть смелым в своих предположениях о потенциальной аудитории периодического издания?

Б. С.: Понимаете, смелым приходится быть, но важно, какие у вас для этого есть возможности и основания. Сейчас, благодаря новой культуре исследования, трудно оставаться только внутри текстов, все больше хочется и требуется ставить вопросы о коммуникации — не только о том, что и как пишут, но и о том, как это читают. Действительно, это проблема, которая решается сложно. Например, есть исследование Дениса Козлова про журнал «Новый мир» эпохи своего расцвета, в котором он исследует этот журнал в контексте публикаций литературных произведений о репрессиях, таких как «Один день Ивана Денисовича» Александра Исаевича Солженицына [13]. У него (у Д. Козлова — прим. ред) как раз была возможность изучать, как читали журнал или как формировалась аудитория, потому что в архиве издательства есть письма читателей.

Но такая возможность есть не всегда, например, с современными популярными историческими журналами вопрос об аудитории является непростым, потому что доступных и очевидных источников здесь нет. Понять, как люди читают эти журналы, довольно сложно, но мы можем проследить, как сам журнал конструирует свою аудиторию: какого читателя и какой тип чтения предлагает. Журнал «Дилетант», например, настойчиво работает над разного рода развлекательными форматами, над тем, чтобы адаптировать исторический материал для более молодой аудитории, вследствие чего появляются таймлайны и инфографика. Поэтому некоторые выводы можно сделать на основе содержания журнала. Сказать о том, как эти материалы читаются, сложнее, ведь все, что у нас есть — это тиражи, социальные сети и другая инфраструктура, которая, к сожалению, не всегда репрезентативна. Некоторые журналы публикуют письма читателей, но нужно помнить, что эти письма отбирает редакция.

[13] — Kozlov D. *The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms With the Stalinist Past*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013.

Насколько у нас есть возможность делать предположения об аудитории? Для этого подчас требуется колоссальная работа, которую, например, проделал Абрам Ильич Рейтблат в книге, о которой я уже упоминал. Изучая русскую литературу XIX века, он проштудировал огромное количество воспоминаний из мемуаров и автобиографий и выудил оттуда материалы, касающиеся оценки читателями тех или иных журналов.

Относительно современных изданий можно проводить социологические опросы, а вот насколько эта тактика применима к журналам как историческим источникам — большой вопрос. С одной стороны, мы можем что-то предполагать исходя из содержания журнала — в литературоведении это называется изучением «имплицитного читателя» — рецептивная эстетика показывает некоторые возможности решения этой задачи. Мы можем посмотреть на то, как этого имплицитного читателя конструирует выбранный нами журнал. Иногда что-то можно извлечь из воспоминаний редакторов, переписки и других доступных документов. Вместе с тем всегда важно обозначать границы своих возможностей при работе с этим «молчаливым большинством», нужно показывать основания, на которых мы делаем те или иные выводы. Выводы, сделанные в результате анализа внутренней организации журнала и его коммуникативных характеристик, вполне могут быть признаны убедительными.

А. С.: Я думаю, сейчас логично перейти к вопросу о жанрах в периодике. Из того, что вы говорили про аудиторию и про то, каким образом работает журнал, получается, что для каждого жанра периодики, будь то современный журнал для домохозяйек или научный исторический журнал времен перестройки, нужен особенный методологический подход...

Может, вы могли бы рассказать про ваш опыт работы с историческими журналами. В начале одной статьи вы пишете, что исследование исторических журналов маргинализировано, в этом поле мало работают [14]. Так происходит, потому что очень сложно работать именно с историческими журналами, или проблема заключается в жанре и ограниченном круге вопросов, которые можно в связи с этим задать?

[14] – Степанов Б.Е. Советская историческая периодика в 1950-е – 1960-е годы: рамки и пределы модернизации // Сад ученых наслаждений / Отв. ред.: Дмитриев А.Н., Самутина Н.В., Вишленкова Е.А. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 227–250.

Б. С.: Тема современной исторической периодики у нас до сих пор не вызывала большого интереса (пожалуй, здесь можно вспомнить только работы Натальи Потаповой [15]). Возможно, это связано с тем, что историкам в работе научных журналов все кажется достаточно очевидным. Между тем, если взять англоязычный контекст, то там можно найти целый ряд работ, которые посвящены исследованию функционирования исторических журналов. Например, примечательна книга Маргарет Стиг Далтон о феномене исторических журналов [16], в которой она рассматривает в сравнительной перспективе процесс изменения пространства журнала в разных традициях: французской, американской и немецкой. Далтон не только анализировала структуру журналов и принципы отбора текстов, но и проводила опрос, писала редакторам. Благодаря этому она получила комплексную картину работы этих изданий.

Конечно, ключевым вопросом для понимания того, как устроена журнальная коммуникация, является вопрос о жанрах публикаций. Когда я занимался исследованием исторических журналов 1950–1960-х годов, было интересно анализировать, тексты каких жанров там публикуются, и как они функционируют. Например, существовал такой популярный жанр — биографический очерк. Что для него симптоматично? Какие персонажи для этих очерков выбираются? Очерк — неочевидный жанр профессионального издания, сегодня мы не наблюдаем его. С учетом больших тиражей исторических журналов в этот период (например, «Новая и новейшая история» с тиражом 12 тысяч или «Вопросы истории» с тиражом 50–75 тысяч), понятно, что они обслуживали не только профессиональное сообщество, но и более широкую аудиторию. Этим и объясняется присутствие таких популярных форматов в научном журнале.

Или, например жанр интервью: в журналах 1960-х годов, конечно, никаких интервью нет, есть передовица, которая задает какую-то идеологическую линию и обеспечивает связь поля исторической науки с партийными решениями. Появление жанра интервью связано с 1980-ми годами, его расцвет пришелся на перестройку. Возникают новые голоса и новые авторитеты, становится возможно беседовать с каким-то историком как с авторитетной

[15] — См. напр. Потапова Н. *Российские исторические журналы: три модели организации знания и сообщества // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 191–233.*

[16] — Stieg, M. *The Origin and Development of Scholarly Historical Periodicals. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2005.*

фигурой, например, с Ароном Яковлевичем Гуревичем, Иваном Дмитриевичем Ковальченко или даже с каким-нибудь представителем зарубежной науки.

В изучении исторических журналов интересно смотреть на разные параметры научной коммуникации: какие представления о научности истории и о жанрах научного письма за этим стоят, в каком режиме эта коммуникация происходит. Например, интересный факт: в 1950–1960-е годы существовала практика рецензирования целых номеров других изданий, а сегодня такое трудно представить. То, что объектом рецензирования раньше могла быть не только книга, но и отдельная журнальная статья — довольно любопытно.

В контексте коммуникации можно рассматривать все вплоть до обложки и элементов дизайна. Так, когда я вижу, что «Новая и новейшая история» оформляет раздел научных новостей иллюстрацией глобуса, я сразу вспоминаю передачу «Международная панорама», которую видел еще в детстве, — там на заставке был подобный образ. Думаю, что это характерный для того времени символ, обозначающий связь издания с международным контекстом. Или, например, журнал «Вестник древней истории» публиковал долгое время аннотации статей не на английском, как нам сейчас привычно, а на французском языке. Именно французский был приоритетным языком коммуникации с зарубежной аудиторией.

Сейчас в похожем ключе можно изучать современные популярные издания: рассматривать имплицитного читателя, формирование представления о науке и научности. Интересно смотреть, как эти журналы отзываются на различные события: как они пишут об акции «Бессмертный полк», как они реагируют на дискуссию о 28 панфиловцах. То, как издания включаются в обсуждение этих сюжетов, дает нам возможность понять, какие смысловые ресурсы для их обсуждения существуют в публичном пространстве. Например, журнал «Родина», членом редколлегии которого долгое время был критик Лев Александрович Аннинский, часто публиковал поэтические тексты в связи с теми или иными историческими сюжетами, например, с войной.

А. С.: Я думаю мы можем постепенно подходить к логическому завершению нашего разговора. В нашем первом выпуске все статьи так или иначе посвящены репрезентации и конструированию образов в периодике, поэтому в заключение хотелось бы попросить вас назвать отличные от этих, но при этом потенциально интересные темы, касающиеся периодических изданий. Может, есть еще какие-то важные и увлекательные темы, которые, как исследование исторических журналов, остаются за границами привычных интересов?

Б. С.: Чем более разнообразным будет наше исследовательское воображение, тем больше возможностей у нас будет использовать журналы для ответа на другие вопросы. В свое время статья Татьяны Дашковой про женские журналы и фотографию в них стала совершенно новаторской [17]. Анализ изображений и подписей к ним — такого не было раньше, историки таким образом не работали. Формирование визуального канона не выделялось в качестве отдельной темы в историческом поле, но с выходом этой статьи тема стала развиваться, и теперь уже есть целый ряд исследований, сделанных в этом русле.

Из более свежих примеров можно привести историка из Новосибирска, Наталью Родигину, и ее соавторов. Они изучили то, как путешествия в Сибирь формировали образ региона в тонких журналах XIX века [18]. Мне кажется, это очень интересно, что сейчас мы смотрим такие передачи, как «Орел и Решка», а в XIX веке эту функцию выполняли тонкие журналы, которые рассказывали о российских регионах. Родигина исследовала то, как создавался образ Сибири, на что обращали внимание при написании путевых очерков и заметок, как сам путешественник воспринимал этот регион.

Я думаю, что журналы как источник будут более востребованы в ситуации обращения социальных историков к проблематике культуры. Исследование в русле новой культурной истории позволяет раскрыть их потенциал применительно к самым разным сюжетам: от истории повседневности и моды до конкретных аспектов городской культуры, от туристического воображения до идеологии.

Статьи в вашем выпуске, насколько я мог понять по оглавлению, посвящены географическим представлениями, образам социальных групп и структур. Мне представляется важным и перспективным то, что здесь речь идет не просто о поиске информации о тех или иных событиях, но об изучении социального воображения. Периодика будет очень полезным источником для исследований такого рода.

Вместе с тем можно вернуться к коммуникативной составляющей, о которой мы тоже с вами говорили. Когда мы исследуем воображение, мы должны еще отрефлексировать коммуникативный

[17] – Дашкова Т.Ю. *Визуальная репрезентация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов* // *Логос*. 1999. №11/12 (21). С. 131-155. См. также [link](#).

[18] – Родигина Н.Н. *«Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2006. 328 с.

контекст. Вот, например, одна из тем статей в этом выпуске — «Образ крестьянина в трудах Императорского Вольного экономического общества». Понятно, что мы должны иметь в виду некое сообщество людей, которому адресован этот журнал: следовательно, этот образ крестьянина создается в перспективе этой группы, и она соответствующим образом выстраивает отношение к широкому слою трудящихся крестьян. Анализ ситуации приводит нас обратно к социальной истории. Таким образом, исследование журналов предполагает довольно очевидный, но, к сожалению, не так часто реализуемый диалог между социальной и культурной историей. Он важен, потому что культурные тексты являются инструментом для понимания общества, и не менее важным, чем традиционные для историков акты и документы.

Д. М.: Ну и напоследок: в статье, вышедшей в сборнике «Сад ученых наслаждений», вы написали о том, что важно изучать советскую историческую периодику, потому что она может многое сказать о науке истории сегодня [19]. Вы имели в виду, что сейчас у нас появляется возможность спокойно обсуждать то, что было 50–60 лет назад, или что наша историческая наука корнями уходит в советскую науку?

Б. С.: Я думаю, что и то, и другое. Когда мы видим, что у журнала «Вопросы истории» нет своего сайта, мы понимаем, что он существует по-прежнему как советский журнал, хотя мир вокруг значительно поменялся. В статье я и пытался описать эту систему исторической периодики: как она сложилась в послевоенный период (сначала появились «Вопросы истории», а затем и такие журналы, как «Новая и новейшая история» и «История СССР») и как она существует сейчас, чтобы тем самым указать на истоки форм научной коммуникации, которые культивировались в этих изданиях вплоть до последнего времени. Если журнал до сих пор публикует исторические очерки, то это симптоматично — почему редакция продолжает делать это, даже когда жанр стал абсолютно не характерным для исторических изданий? Или, наблюдая, в какой степени культивируется жанр дискуссии, мы видим, как журналы меняются и обретают новые черты. Например, журнал «Российская история» сильно изменил свою модель. Сопоставление с предыдущими этапами позволяет нам увидеть, какие задачи

[19] – Степанов Б.Е. Советская историческая периодика в 1950-е – 1960-е годы: рамки и пределы модернизации // Сад ученых наслаждений / Отв. ред.: Дмитриев А.Н., Самутина Н.В., Вишленкова Е.А. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 227–250.

журнал перед собой ставит и как он их решает. Обращаясь к университетским вестникам, мы видим, как радикально изменилась ситуация, как они ушли от модели «места для публикации» и приблизились к формату более полноценных изданий, где есть дискуссии, тематические выпуски и рецензионная работа.

Мне кажется, важно иметь такой материал для сопоставления, это помогает оценить, что происходит сегодня: какие существуют режимы профессиональной коммуникации и как они изменили свою форму. Конечно, не надо занимать позицию нормативности и однозначно утверждать, как должны правильно работать журналы, но все же стоит, хоть и с осторожностью, обсуждать не только профессиональную методологию, но и саму инфраструктуру научной коммуникации.